

ФЕМИСТИЙ И ЕГО НАСЛЕДИЕ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОГО КОНТИНУИТЕТА

В работе предложен первый в отечественной науке очерк общего наследия оратора, философа и учителя 2-й половины IV в. Фемистия, работавшего в Константинополе. До этого разрабатывались лишь вопросы его философских идей. Особое внимание уделено его речам, которые (из 34 сохранившихся) делятся на политические (19) и частные (15). Фемистий еще недостаточно оценен как оратор, мыслитель и особенно как преподаватель эпохи Поздней античности. Его речи – важный исторический источник по политической теории, истории образования, риторике.

Ключевые слова: Фемистий, риторика, Поздняя античность, философия, Константинополь.

Фемистий (ок. 317-393 гг.)¹ – государственный деятель, оратор, философ и учитель Поздней античности². О его происхождении и образовании известно только по замечаниям автобиографического характера в его сочинениях. Он, вероятнее всего, как и его отец, родился в Пафлагонии, в 317 г.³ Отец Фемистия Евгений был землевладельцем среднего достатка, при этом философски образованным человеком, изучал сочинения Платона и Аристотеля и старался показать единство их учения (Ог. 20 «На смерть отца»). Он дал сыну хорошее домашнее образование, и Фемистий в одной из речей развивает идею о том, что вовсе не обязательно за образованием отправляться в Афины или Константинополь (Ог. 27 «О том, что учатся не у мест, а у людей»). Однако сам Фемистий получил образование сначала в Неокесарии (там в это время преподавал Василий Неокесарийский, отец Василия Великого), а затем в Константинополе, куда в сер. 30-х гг. IV в. переехала его семья. Константинополь не был его родным городом.

В молодости он преподавал философию и риторику в разных городах Малой Азии, в т.ч. в Никомидии (342-343) и Анкире (344-347), приобрел известность, в возрасте около 30 лет (по другим данным – 25) был приглашен в Константинополь для произнесения приветственной речи императору Констанцию. Фемистий получил популярность после произнесения этой речи и со временем сделал в столице блестящую карьеру придворного оратора.

Между 347 и 355 гг. он основал в Константинополе философско-риторическую школу⁴, но спустя некоторое время оставил преподавание ради государственной службы. Император Констанций обеспечил его избрание в Константинопольский сенат в 355 г. В конце 350-х гг. Фемистий сыграл важную роль в процессе набора новых сенаторов для Константинополя и сам был избран в 357 г. представителем восточных провинций империи во время визита императора Констанция. Это событие, скорее всего, произошло в год получения им проконсульства Константинополя. Кроме того,

он занимал должность советника при византийских императорах от Констанция (337-361) до Феодосия I (379-395), был воспитателем будущего императора Аркадия; в 384 г. Фемистий – префект Константинополя.

На протяжении 30 лет, с середины 350-х гг., Фемистий являлся очень важной политической и культурной фигурой в Константинополе. Вершиной карьеры Фемистия стала должность принцепса сената⁵, которая в его время уже не давала реальной власти. Кроме того, что Фемистий занимался сенаторской деятельностью, он также являлся и панегиристом, и советником императоров, а также занимался обучением императорских детей. Сын Феодосия, Аркадий, был оставлен на короткий срок на попечительство Фемистия, на время отсутствия отца мальчика, который находился в Константинополе.

В середине 350-х гг. Фемистий высказывался об императоре, вероятнее всего, о Констанции: «Он часто использует мои рекомендации в Совете, приглашает меня отужинать вместе и желает, чтобы я сопровождал его в путешествиях. Он безболезненно воспринимает критику в свой адрес». Фемистий убеждал Констанция увеличить меру зерна, выдаваемого в Константинополе. Он направлял имперские пожертвования городу и просил императоров признать привилегии Константинопольского сената. Фемистий был горд за 10 выполненных задач от лица Константинопольского сената. «Мой голос», как он утверждал в 383 г., «должен олицетворять голос сената».

Фемистий был профессиональным ритором и выделялся тем, что особо занимался вопросом формы изложения и являлся противником характерного для позднеантичного времени стремления к излишним риторическим украшениям и софистике. Его речи, дошедшие до нас (сохранились 34 речи), затрагивают проблемы философии, государственного права, теории риторики и отличаются простотой, четкой логичностью и ясностью изложения.

Фемистий был настолько же известен в Константинополе, насколько Либаний – в Антиохии, но, в отличие от Либания, Фемистий серьезно занимался философией и составил ряд популярных изложений (парафраз) работ Аристотеля. Помимо литературного труда и преподавания, он активно занимался государственной деятельностью и был награжден рядом высших отличий.

Фемистий также преподавал философию⁶. По мысли Фемистия (Ог. 5-6), философия сама по себе не противоречит политике, что доказывает опыт философов, известных своей политической активностью (к их кругу Фемистий причисляет и себя). Кодекс Феодосия под 361 г. упоминает Фемистия как философа. Он относился с уважением к ранней греческой философии и их взглядам, касаясь того, что человек является социальным и политическим существом, восхищался практической и политической философией Аристотеля. Мы встречаем его комментарии ко всем работам Аристотеля, сжатый и весьма успешный парафраз работ: «Аналитика», «Душа», «Физика» и других подобных произведений.

Философское письменное наследие Фемистия составляют его учебные комментарии к Аристотелю⁷. Сохранились три комментария: к «Физике», «О душе» и «Второй Аналитике»; еще два (к «О небе» и 12-й кн. «Метафизики») дошли в еврейском переводе с арабского. Не сохранились комментарии к «Категориям», «Первой Аналитике», «О возникновении и уничтожении» и «Никомаховой этике», а также некие «толкования» текстов Платона, о которых упоминает Фотий (Bibl. Cod. 74, 52a19-20 Bekker), – однако, по мнению Дж. Вандерспозла⁸, Фотий принял за свидетельства о комментариях Фемистия к Платону сведения о формировании им научной библиотеки в Константинополе, основанной при Констанции, вероятно, по совету Фемистия; в «комментарии Фемистия к Платону» превратились комментарии к Платону, заказанные им среди прочих рукописей классических авторов (ср. Ог. 4).

Вопрос об отношении Фемистия к неоплатонизму остается сложным⁹.

Большинство парафраз работ Аристотеля были написаны до выборов Фемистия в сенат в 355 г., после чего оратор начал заниматься и общественной деятельностью. Он считал, что философ не должен противиться, если император выбирает его для служения государству. Политики не должны ставить свои интересы выше интересов общества, политики-философы не должны отказываться от общества ради эзотерической метафизики.

Изучая философию, Фемистий подражал своему отцу, которого он восхвалял в своей 20 Речи. Кроме того, его дедушка и тесть тоже были философами. Либаний считал Фемистия одним из лучших философов. Как на философа в 363 и 369 гг. ссылается на него Григорий Богослов. Сам Фемистий до конца своих дней считал себя единственным, самым выдающимся философом, и в своих речах нередко противопоставлял себя, «ученика Сократа», софистическим ораторам типа Гимерия; он не раз называл их «краснобаями» и «умниками» и порицал за любовь к импровизированным выступлениям, пользу которых он отрицал.

Фемистий утверждал, что выбрал философию, которая оказывает влияние на политическую арену. Именно это и импонировало императору Констанцию, который утверждал, что, Фемистий пропагандирует философию для общества. Фемистий считал, что семинары по философии должны преподаваться массам, а не отдельному кругу людей. Именно по этой причине Григорий Богослов призывал людей подражать философии Фемистия и прозвал его «царем красноречия». Фемистий использовал философский, традиционный прием паррессии или свободы речи. Его искусство влиять на образ мыслей слушателя позволяло представлять его учения в довольно убедительной и привлекательной форме.

Авторитет Фемистия – философа и оратора – был чрезвычайно высок как у современников, так и у последующих поколений, что свидетельствует об актуальности исследования не только его государственно-общественной деятельности, но и литературных достоинств его речей.

До наших дней не дошли все полные оригинальные варианты речей Фемистия. Современное издание включает 34 речи. 23, 33 и 28 речи сохранились не полностью. Работа Фемистия «Добродетель» сохранилась только на древнесирийском языке, а работа «Управление государством», адресованная Юлиану, дошла до наших дней только на арабском языке и скорее напоминает речь, а не трактат или письмо. В XIX веке была найдена речь «В ответ тем, кто посчитал его виновным». Она стала дополнением к изданию Вильгельма Диндорфа (Lips., 1832).

Особенности речей Фемистия: 1. Массовые учения и занятия, представленные на суд общественности. 2. Стилистический навык завершения речи. 3. Целесообразность вмешательства в общественную жизнь.

Речи Фемистия обычно классифицируются как общественные (политические)¹⁰ и частные. До сих пор осталось неизвестным, все ли речи первого раздела восхваляли императоров. Они предположительно включали обращения к Иовиану, Грациану и Юлиану. Некоторые из них обращены к императору Константию, другие к Валенту, Валентиниану и к Феодосию и содержат панегирик и восхваление этих императоров. Общепринятым обозначение речей Фемистия является «имперская похвала». Она дает более точные описания по сравнению с «политической».

Поскольку творчество Фемистия пришлось на период активного формирования христианской литературы и ее самоопределения по отношению к греческой образованности, особенно интересным представляется исследование его религиозных взглядов.

Будучи язычником, Фемистий, тем не менее не входил, в число приверженцев Юлиана и не испытывал вражды к христианству. Он был довольно «гибким атеистом», которому удавалось работать вплотную с христианами императорами, он также был защитником религиозной толерантности. В XIII веке Абу-ль-Фарадж ссылается на речь, восхвалявшую Юлиана в период его царствования, в которой Фемистий пытается убедить императора отказаться от преследования христиан. Он отстаивал религиозную толерантность еще до Иовиана и предпринимал попытки предотвратить преследование никейских христиан, призывал Валента проявить милосердие после подавления мятежа Прокопия (364 г.).

В речи Фемистия, обращенной к императору Иовиану, основной идеей являлась идея религиозной веротерпимости и признания равенства всех вероисповеданий. Речь Фемистия примечательна близостью к этической позиции римских стоиков и глубоким убеждением в том, что нельзя против воли и желания человека принудить его к нравственности: «Сделать человека хорошим насильно ты (император) не в состоянии: ведь добродетель есть свойство, зависящее от моей воли, и ты не можешь заставить меня испытывать по отношению к чему-нибудь такие чувства, которых я не хочу испытывать. Всем тем, что связано с работой и с применением членов нашего тела, можно повелевать и распоряжаться насильно, но движения мысли и зависящие от этого понятия и душевные свойства свободны и не стеснены... Нет никого на земле больше тебя, император, и нет никого сильнее:

однако не найдется человека настолько смиренного, настолько слабосильного, чтобы ты мог приказом или пыткой заставить его полюбить тебя, – только по его собственной воле может в нем возникнуть такая любовь».

Фемистий, подчеркнув, что к тому, чего невозможно добиться принуждением, относятся вся вообще область нравственности и предания и чувства, касающиеся почитания богов, оценивает политику веротерпимости как самую разумную. Те императоры, которые полагали, что возможно против воли навязать ту или иную религию, достигли лишь того, что заставили многих из страха перед наказанием скрывать свои чувства. «Люди страшились не бога – как того хотели государи, – а императорского пурпура... А впоследствии обнаружались подлинные чувства подданных: как пламя, подавленное на некоторое время, внезапно прорвавшись, вспыхивает и полыхает, так и после временного притворства люди, лишь для вида почитавшие религию императоров, стали свободно выражать свои взгляды на проявление божества. Ведь никакое притворство не может быть продолжительным, а притворно все то, что вызвано страхом и идет не от сердца».

Закон о свободе вероисповедания, изданный императором Иовианом, Фемистий возводит к изначальному закону, данному богом: «Ведь бог вложил понятие о себе в умы всех людей, даже диких и варваров, и так внедрил во всех стремление к благочестию, что его нельзя уничтожить ни доводами, ни силой. Но ни способа, ни пути угодного ему богопочитания он не предписал». Фемистий полагал, что именно сосуществование разных верований способствует укреплению веры и украшает жизнь разнообразием. Наконец, важнейшим достоинством свободы вероисповедания, как утверждал Фемистий, было прекращение жестокой внутренней борьбы. «...В прошлом... мы были страшнее для самих себя, чем любая конница или пехота внешних врагов: доносы, при помощи которых одно вероисповедание нападало на другое, приносили государству больше вреда, чем набеги всех варваров на наши области».

Поначалу считая, что христианство отвращает от философии, позднее Фемистий понял, что то общее, что есть у Гомера и христианства, через христианские понятия может быть выражено лучше – при сохранении старых классических (языческих) ценностей¹¹.

Фемистий, в отличие от двух других наиболее видных идеологов эллинизма своего времени – ритора Либания и императора Юлиана, – не игнорировал христианство и не боролся с ним, но старался показать, что эллинизм превосходит христианство своим культурным универсализмом и терпимостью; соответственно своим взглядам, он старался развивать свои идеи, избегая прямых конфликтов и нападок. Фемистий был знаком с текстами как Ветхого, так и Нового завета (трижды цитирует Библию как «Ассирийское писание» для подтверждения традиционно эллинской идеи о царской власти – Or. 7, 89d2 Harduin; Or. 11, 147cl; Or. 19, 229a4).

Язычество как таковое и христианство были для Фемистия формами народных верований, далеких от истинной философии. В речи к импе-

ратору Валенту (Ор. 7) Ф. выступал за веротерпимость, считал безумием требовать от всех людей против их воли одинаковых убеждений; по Фемистию, «есть нечто такое, к чему людей нельзя принудить никоим образом, если они того не хотят; бог ни у кого не похищает свободы пользоваться своим разумом».

Излюбленным термином Фемистия, с которым мы постоянно сталкиваемся в его речах, была «филантропия» (человеколюбие) – это делает понятной для нас его веротерпимость. Фемистий так и не принял христианства, но к нему, тем не менее, благоволили такие известные деятели церкви, как Григорий Назианзин, высоко его ценивший. Он даже назвал Фемистия «царем красноречия» (Ер. XXIV, 1), и именно с этим эпитетом Фемистий вошел в историю Поздней античности.

В отличие от Юлиана и Либания, Фемистий воздерживался от резкой полемики с приверженцами христианства. Ему была свойственна веротерпимость; недаром при всех императорах, независимо от их вероисповедания, он занимал видные государственные должности. В речи «Валенту о вероисповеданиях» он, воздавая хвалу императору, пишет: «Мудро тобой постановлено, чтобы каждый примкнул к тому вероисповеданию, которое ему представляется убедительным, и в нем искал бы успокоения для своей души...» и далее: «Какое же безумие добиваться того, чтобы все люди, против своей воли, держались одних и тех же убеждений!» По мнению Фемистия, мудр император, предоставляя свободу выбора убеждений, «так чтобы людей не привлекали к ответственности за наименование и форму их религии».

Показательно, что, несмотря на приверженность к античной философии, в его произведениях встречаются чуждые классическому язычеству представления, например, о земной жизни как о темнице и о загробной как о «счастливом поле». В своих речах он повсюду говорит о любви к философии, часто обращаясь к Платону и Сократу.

Речи Фемистия лишены поэтического пафоса, у него отсутствуют живые характеристики. Однако он был отличным стилистом, что немало способствовало его славе.

Из 34 сохранившихся речей Фемистия часть представляет собой обращения и панегирики императорам (Констанцию, Валенту, Валентиниану, Иовиану, Феодосию), другая затрагивает различные вопросы риторического искусства. В речах Фемистий предстает как идеолог классической греческой традиции, борющийся за упрочение ее ценностей в условиях укрепляющейся христианской империи. Наряду с сочинениями императора Юлиана, тексты Фемистия можно рассматривать как редкий для неоплатонизма образец политической теории (по большей части традиционной).

Уникальна востребованность Фемистия при дворе весьма различно настроенных государей: при арианине Констанции, язычнике Юлиане и православном Феодосии Фемистий продолжал занимать высокие государственные должности и в своих речах к императорам наставлял их в гуманности (филантропии), братолюбии и милосердии.

Фемистий – идеолог просвещенной монархии¹². Царская власть и философия, по Фемистию, – два инструмента божественного попечения о людях: «Сам бог ниспослал царскую власть и философию для заботы и исправления людей, одна наставляет добру, другая управляет».

По Фемистию, монарх (βασιλεύς, Παυτοκράτωρ) сравним с богом, он избран богом и поэтому достоин именоваться «вскормленным и рожденным Зевсом»; империя есть подражание (мимесис) небесам; институт царской власти, в отличие от конкретного царя, божествен, царь – воплощенный закон; достохвальна его гуманность и благая воля, что делает его противоположностью тирана; он рожден царем, его природа царственна; он сравним с солнцем и пастырем; он приводит к гармонии разные силы в государстве; его царственность заключена в добродетелях, а не во внешних знаках власти; его правосудие превосходит косную строгость писаных законов. Царских добродетелей четыре: благоразумие, милость, правда и справедливость; правитель должен быть философом; его должно отличать человеколюбие, одно из главных качеств государственного деятеля (ср. Ор. 6, 76cd: «Кто любит брата – любит ближнего, кто любит ближнего – любит родину, кто любит родину – любит людей», – Фемистий принимает основные положения стоического учения о «сродности».

О филантропии как царской добродетели, а также в целом идеологическое обоснование царской власти, ср. «Панегирики» к Констанцию императора Юлиана (филантропия – поистине наиболее подходящая государю добродетель), Дион Хрисостом «О царской власти», Псевдо-Аристид «О царской власти». Общей идеей этой литературы, истоки которой восходят к сочинениям Исократ «Бусириис», Ксенофонта «Киропедия» и «Агесилай», платоновскому «Государству», является утверждение первенства добродетели как истинной санкции на власть.

В речи «О дружбе» (Ор. 22) Фемистий критикует традиционную систему греческого воспитания, основанную на изучении Гомера, в поэмах которого воспеваются гнев и вражда, а философии, которая учит благожелательности, в воспитании пренебрегают. Истинной основой воспитания должна стать не поэзия, а философия¹³.

Образовательная программа Фемистия была основана на двух ключевых принципах: 1) ценность греческой философии, особенно ее нравственной теории, позволяющей каждому вести образ жизни, способствующий самообразованию¹⁴; 2) правильное государственное устройство возможно лишь при условии классической образованности и добродетели как правителя («автократора»), так и его подданных.

Частные речи Фемистия затрагивают полемику о христианстве, культурную прагматику (риторическую и философскую), автобиографический материал, философские дискурсы. Фемистий затрагивает проблемы природы власти, рассуждает об идеальном правителе, о войне, о пользе философии и о недостатках системы греческого воспитания¹⁵.

Несколько речей посвящено вопросам ораторского искусства: в них он требует от оратора тщательной подготовки, серьезных мыслей и уме-

ния давать характеристику лиц так, чтобы слушатели поняли, о ком идет речь, даже если имя данного лица не названо. Только Речь 30 выбивается из общего списка, являясь рутинным учебным материалом.

Фемистий хорошо сознавал, что между его философскими стремлениями и придворной карьерой имеется противоречие, и не без остроумия осмеял себя в следующей эпиграмме «К самому себе»:

Ты восседал на престоле в эфире, – но вдруг захотел ты
Сесть на серебряный трон: это – безмерный позор!
Лучше б остался внизу ты; поднявшись, ты много стал хуже.
Снова сойдя, поднимись; пал ты, высоко взойдя!

Фемистий является уникальным примером позднеантичного гуманиста, в котором сочетались классическое образование и система ценностей – и служение христианским императорам, не акцентируя внимание на мировоззрении. Во времена последней борьбы христианства с язычеством в конце IV в. таких людей было немного. Поэтому он в чем-то предвосхищает более поздних «последних язычников» византийских времен V-VI вв. (Пампрепия, Илла, Зосима), сохранявших свое язычество в частной жизни. Значение Фемистия поэтому многократно возрастает: это не просто придворный оратор, а вполне яркий и цельный гуманист переходной эпохи, один из творцов культурного континуитета между античностью и средневековьем.

РЕЧИ ФЕМИСТИЯ¹⁶:

Политические (I-XIX)

Речь I. О человеколюбии Констанция.

Речь II. К Констанцию, также совершенному философу и царю, благодарение.

Речь III. Посланическое слово о Константинополе, произнесенное в Риме.

Речь IV. К императору Констанцию.

Речь V. Консул (К Иовиану). 364 г.

Речь VI. Братолюбцы, или О человеколюбии.

Речь VII. О потерпевших поражение при Валенте.

Речь VIII. Пятилетие.

Речь IX. Увещательная речь к молодому Валентиниану.

Речь X. На заключение мира (К императору Валенту). 370 г.

Речь XI. Десятилетие, или О долге царя.

Речь XII. Валенту о вероисповеданиях (латин.). 374 г.

Речь XIII. Влюбленный, или О красоте царствующего.

Речь XIV. Посол к Феодосию императору.

Речь XV. К Феодосию, величественному добродетелями.

Речь XVI. Благодарение самодержцу за мир в консульство стратига Сатурнина.

Речь XVII. На мое назначение городским префектом (Константинополя).

Речь XVIII. О царской любви слушать.

Речь XIX. О человеколюбии самодержца Феодосия.

Частные (XX-XXXIV)¹⁷

Речь XX. Памяти отца (Погребальная речь в честь своего отца).

Речь XXI. Вопрошающий, или Философ.

Речь XXII. О дружбе.

Речь XXIII. Софист (сохр. не полн.).

Речь XXIV. Увещевание к никомедийцам.

Речь XXV. Против тех, кто считает возможным выступать без подготовки (сохр. краткое изложение).

Речь XXVI. О красноречии, или Как должен говорить философ.

Речь XXVII. О том, что следует ценить не города, а людей (О том, что учатся не у мест, а у людей).

Речь XXVIII. Исследование о красноречии (сохр. не полн.).

Речь XXIX. Ответ тем, кто неправильно толкует мою речь «Софист».

Речь XXX. Заниматься ли земледелием?

Речь XXXI. О моем председательстве в сенате, К сенату Константинополя.

Речь XXXII. Об умеряющем свои страсти, или О чадолюбце.

Речь XXXIII. [Заглавие утрачено] (сохр. не полн.).

Речь XXXIV. В ответ тем, кто находит ошибкой мое участие в общественной жизни.

На русский язык к настоящему времени переведены только 6 речей из 34 – III, XII, XXV, XXVII (с сокр.), XXX, XXXII¹⁸ и небольшие отрывки в хрестоматии В.В. Латышева о Скифии и Кавказе в античной традиции.

Примітки

1. В качестве года смерти называют также 383, 387, 388 г.
2. См.: Солопова М.А. Фемистий // Античная философия. Энциклопедический словарь. – М., 2008 / <http://enc-dic.com/phyantich/Femisti-261/>
3. Vanderspoel J. Themistius and the Imperial Court: Oratory, Civic Duty and Paideia from Constantius to Theodosius. Ann Arbor, 1996. Изложение биографии Фемистия см.: р. 31-37.
4. Schemmel F. Die Hochschule von Konstantinopel im IV Jahrhundert // N. Jahrb. F. Class. Alt. Bd. XXII. 1908.
5. Vanderspoel J. Themistius and the Imperial Court: Oratory, Civic Duty and Paideia from Constantius to Theodosius. Ann Arbor, 1996. P. 71.
6. Meridier L. Le philisoph Themistios. P., 1906.
7. Themistii Analyticorum Posteriorum paraphrases / Ed. M. Wallies. B., 1900 (CAG V, 1); In Physica paraphrases / Ed. H. Schenkl. B., 1900 (CAG V, 2); Todd R.B. (tr., comm.). Themistius on Aristotle Physics 4. L.; Ithaca, 2003 (ACA); In De Caelo, lat. et hebr. / Ed. S. Landauer. B., 1902 (CAG V, 4); In De anima paraphrases / Ed. R. Heinze. B., 1899 (CAG V, 3); Todd R.B. (tr., comm.). Themistius. On Aristotle On the Soul. L.; Ithaca, 1996 (ACA); Фемистий. Комментарий к «О душе» Аристотеля (II.1-2) / Пер. и прим. М.А. Солоповой // Космос и душа. 2005. С. 430-442; In Metaphysica 12, lat. et. hebr.

- / Ed. S. Landauer. B., 1903 (CAG V 5); Brague R. (trad.). *Thémistius, Paraphrase de la «Métaphysique» d'Aristote (livre Lambda)* / Trad. de l'hébreu et de l'arabe, introd., notes par R. B. P., 1999. См. также: Schroeder F.M., Todd R.B. Two Greek Aristotelian Commentators on the Intellect: The De Intellectu Attributed to Alexander of Aphrodisias and Themistius' Paraphrase of Aristotle De Anima, III 4-8. *Tornt.*, 1990; Blumenthal H. Themistius, the last Peripatetic commentator on Aristotle? // *Aristotle Transformed* / Ed. R. Sorabji. L., 1990. – P. 113-123.
8. Vanderspoel J. The «Themistius Collection» of Commentaries on Plato and Aristotle // *Phoenix*. 43, 2. 1989.
 9. Ballériaux O. Thémistius et le Néoplatonisme: le *νοσ παθητικός* et l'immortalité de l'ame // *RPhA*. 12. – 1994. – P. 171-200.
 10. Анализ политических речей Фемистия см.: Вальденберг В.Е. История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. СПб. – 2008. – С. 74-98.
 11. Vanderspoel J. Themistius and the Imperial Court: Oratory, Civic Duty and Paideia from Constantius to Theodosius. *Ann Arbor*, 1996. P. 18; Downey G. Themistius and the Defense of Hellenism in the Fourth Century // *HThR*. 50. 4. 1957. – P. 259-274.
 12. Dagron G. L'empire romain d'orient au IV siècle et les traditions politiques de l'Hellénisme. Le témoignage de Thémistios // *Travaux et Mémoires*. 3. 1968. – P. 1-242.
 13. Downey G. Education and Public Problems as Seen by Themistius // *TAPhA*. 86. 1955. – P. 291-307.
 14. Downey G. Themistius and the Defense of Hellenism in the Fourth Century // *HThR*. 50. 4. 1957. – P. 259-274.
 15. Downey G. Education and Public Problems as Seen by Themistius // *TAPhA*. 86. 1955. – P. 291-307.
 16. Издания: *Themistii orationes quae supersunt*. Vol. 1-3 / Ed. H. Schenkl, G. Downey. Lpz., 1965-1974; *Themistii Orationes Ex Codice Mediolanensi* / Ed. T. Euphrada. Nabu Press, 2011. 818 p.; Индекс к речам: *Themistii orationes index auctus* / *Hellenica et Byzantina Neapolitana, Colana di Studi e Testi*, 11 / Ed. A. Gaizya. IX, 583 p. Naples: Bibliopolis, 1989. Неполный англ. перевод: Heather, Peter; Moncur, David (transl.). *Politics, Philosophy, and Empire in the Fourth Century: selected orations of Themistius, with an introduction*. – Liverpool: U.P., 2001.
 17. *The Private Orations of Themistius* / Tr. with introd. by R.J. Penella. Berk.; L.Ang., 2000.
 18. III, XII, XXX / Пер. А. Егунова // *Поздняя греческая проза* / Сост. С.В. Поляковой. – М.: ГИХЛ, 1961. – С. 621-638; XXV, XXVII / Пер. М.Е. Грабарь-Пассек // *Памятники позднего античного ораторского и эпистолярного искусства* / Отв. ред. М.Е. Грабарь-Пассек. М.: Наука, 1964. – С. 80-86; XXXII / Пер. Т. Миллер // *Ораторы Греции*. – М., 1985. – С. 414-420.

Summary

In this work the first national science essay common heritage speaker and philosopher of the 2nd half of the IV. Themistius, working in Constantinople. Prior to that developed only questions his philosophical ideas. Particular attention is paid

to his words, which (of 34 surviving) are divided into the political (19) and private (15). Themistius still not rated as a speaker and a thinker and especially as a teacher of Late ancient epoch. His speeches are an important historical source on political theory, history, education, rhetoric.

Key words: *Themistius, rhetoric, Late Antiquity, philosophy, Constantinople.*

Одержано 14 березня 2013 р.

УДК: 930.85"03/14":947.7"653"

Д.С. Гордієнко

ЕТАПИ ТА ОСНОВНІ НАПРЯМКИ РУСЬКО-ВІЗАНТІЙСЬКИХ ВІДНОСИН У ДОСЛІДЖЕННЯХ АКАДЕМІКА ГЕННАДІЯ ГРИГОРОВИЧА ЛІТАВРИНА

У статті аналізуються праці видатного візантиніста – академіка Геннадія Григоровича Літаврiна, присвячені русько-візантійським відносинам. Ця тема є однією з центральних у науковій творчості вченого. В статті пропонується висновок, що доробок Літаврiна охоплює собою весь період русько-візантійських відносин.

Ключові слова: *Літаврiн, Русь, Візантія, міждержавні відносини.*

З іменем академіка Літаврiна нерозривно пов'язаний розвиток візантинознавчих студій другої половини ХХ ст. Учений був беззаперечним лідером як радянської останніх десятиліть, так і сучасної російської візантиністики. Праці Г. Г. Літаврiна справили важливий вплив на актуалізацію багатьох дискусійних проблем історії Візантії, серед яких і питання русько-візантійських відносин, дослідження яких було підсумовано у монографії «Візантія, Болгарія, Древня Русь (IX – начало XII в.)»¹. У цій сфері вчений йшов у напрямку школи В. Васильєвського, якого вважав своїм справжнім учителем². Цей напрямок передбачав розгляд питань відносин Русі і Візантії з позиції Русі, себто як складової руської історії.

Уже темою дипломної роботи Г. Г. Літаврiна були «Русско-византийские отношения в IX-X вв.»³, відповідно й одна з перших публікацій – стаття «Записка греческого топарха»⁴, фактично була одним з розділів дипломної роботи. Відтак, як зізнавався сам Г. Г. Літаврiн, у своєму науковому житті він рухався до Візантії по «шляху із варяг у греки», а в кінці життя здійснив зворотній шлях «із грек на Русь». Саме такий шлях Г. Г. Літаврiн називає цілком природним для російського візантиніста⁵, додає, що і для українського теж. Прикметно, що офіційним опонентом кандидатської дисертації «Борьба болгарского народа против византийского ига (XI-XII вв.)» (27.10.1954 р.) був випускник Інституту князя Безбородька в Ніжині – М. В. Левченко⁶. Погляди Г. Г. Літаврiна на природу русько-візантійських відносин найкраще характеризують написані ним відповідні розділи до тритомного видання «Истории Византии»⁷.